

DOI: 10.31696/S086919080034827-6

ОТРАЖЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ИМПЕРСКИХ ИДЕЙ
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЯПОНСКИХ ИСТОЧНИКАХ. ЧАСТЬ 2¹

© 2025

Ю.И. ДРОБЫШЕВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Резюме: Во второй части настоящей статьи обсуждаются вопросы восприятия японцами монгольских захватчиков. Вопреки официальным заявлениям хагана Хубилая и его потомков – великих ханов династии Юань о получении ими «Небесного Мандата» на управление всей ойкуменой, ввиду чего Япония была обязана им подчиниться, монголы, как и их невольные союзники, получили в японском обществе прозвание «иностранных пиратов» и «бандитов», с которыми необходимо вести вооруженную борьбу до полной победы. В отличие от других народов, попавших в XIII в. под власть монголов и иногда замечавших в своих поработителях позитивные качества, японцы не увидели в своих противниках практически ничего положительного. В последующие века и без того негативный образ монголов претерпел изменения в сторону дальнейшей «варваризации» вследствие столкновения Японии с нежелательными для нее европейскими и русскими иноземцами, отрицательные черты которых были ретроспективно перенесены на монголов, в простонародной среде превратившихся в демонов. При этом монголы здесь не расценивались, как это зафиксировано в христианской и мусульманской культурах, в качестве «Господнего наказания» и, следовательно, подчинение их требованиям не было оправданным. Однако не все в Японии видели в монголах только угрозу. Буддийский монах и бескомпромиссный реформатор буддизма Нитирэн (1222–1282) считал, что проблемы страны происходили от ложных учений и неуважения людей к «Лотосовой сутре» – единственному произведению, в котором сосредоточена высшая истина. Видимо, только Нитирэн отзывался о монголах с долей уважения и обвинял в постигших страну военных катаклизмах не их, а власти и народ. Он утверждал, что вторжение монголов – крайне болезненное, но необходимое средство вернуть Японию на истинный путь, и лишь почтение «Лотосовой сутры» способно предотвратить бедствия, но услышан он не был.

Ключевые слова: Япония, японские источники, монгольские завоевания, Монгольская империя, имперская идеология, буддизм, Нитирэн

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых японских источниках. Часть 2. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 29–37. DOI: 10.31696/S086919080034827-6

¹ Благодарю С.А. Родина и А.М. Дулину за советы и замечания.

REFLECTION OF MONGOLIAN IMPERIAL IDEAS
IN MEDIEVAL JAPANESE SOURCES. PART 2²

© 2025

Yuliy I. DROBYSHEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9318-4560; altanus@mail.ru

Abstract: *In the second part of this article, issues of Japanese perception of the Mongol invaders are discussed. Contrary to official statements of Khagan Kublai and his descendants about their “Heavenly Mandate” to rule the entire oikumene, provided as a reason why Japan was obliged to obey them, in the Japanese society, the Mongols were dubbed “foreign pirates” and “bandits”. Unlike other peoples who fell under the Mongol rule in the 13th century and sometimes managed to find positive qualities in their enslavers, the Japanese saw practically nothing positive in them. In the following centuries, the already negative image of the Mongols underwent changes towards further “barbarization” as Japan was facing undesirable European and Russian foreigners, whose negative features were retrospectively transferred to the Mongols. At the same time, the Mongols were not considered “God’s punishment” as in Christian and Muslim cultures, and submission to them was not justified. However, a Buddhist monk and uncompromising reformer of Buddhism, Nichiren (1222–1282) believed that the country’s problems stemmed from false teachings and disrespect for the “Lotus Sutra”, the only work in which the highest truth is concentrated. Apparently, only Nichiren spoke of the Mongols with a degree of respect and blamed the authorities and the people for the military cataclysms that befell the country, not the invaders themselves. He claimed that the Mongol invasion was an extremely painful but necessary means to return Japan to the true path, and only the reverence for the “Lotus Sutra” could prevent disasters, but he was not heard.*

Keywords: Japan, Japanese sources, Mongol conquests, Mongol Empire, Imperial ideology, Buddhism, Nichiren

For citation: Drobyshev Yu.I. Reflection of Mongolian Imperial Ideas in Medieval Japanese Sources. Part 2. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 29–37. DOI: 10.31696/S086919080034827-6

Восприятие японцами монгольских захватчиков поразительно похоже на их восприятие вьетнамцами, трижды испытывшими на себе монгольские нашествия во второй половине XIII в. И Япония, и Вьетнам сумели отстоять свою независимость, и это одна из причин того, почему в историографии обеих стран образ монголов преимущественно резко отрицательный. Как правило, источники, созданные на землях, попавших под прочную монгольскую власть, находят иногда добрые слова в адрес покорителей: замечают высочайшую дисциплину и бесстрашие монгольских воинов, отдают должное организационным талантам Чингис-хана и т.п. В случае с японскими источниками можно констатировать лишь единичные намеки на позитивные качества монголов именно как достойных соперников³, однако зверства, реальные или воображаемые, совершенно затмевают их – достаточно вспомнить хотя бы рассказ о плененных японках, которым монголы якобы насквозь пробивали ладони и через эти раны привязывали их к бортам своих судов [Tsunoda, Goodrich,

² I thank S.A. Rodin and A.M. Dulina for their advices and comments.

³ Так, в «Наставление глупым детям о Хатиман» монголы показаны как способные всадники, приученные действовать под звук барабанов, «сильные и храбрые, свободно скачущие вокруг» [Brightwell, 2020, p. 198].

1951, р. 81]⁴. В отличие от вьетнамской историографии, практически не проводящей этнических различий между вторгавшимися с севера людьми, японская зафиксировала разное отношение защитников к попавшим в 1281 г. в плен монголам и корейцам, с одной стороны, и китайцам – недавним подданным Южной Сун, с другой: первых безжалостно перебили, а последним сохранили жизнь. Кроме того, и монголов, и корейцев называли потомками собак [Conlan, 2001, р. 270].

Документы того периода дают понять, что антимонгольские действия были известны как «*икоку гассэн*» («война против иностранцев») или «*мо:ко гассэн*» («война против монголов») [Kyotsu Hori, 1988, р. 186]. И в бумагах *бакуфу*, и в пояснениях к свиткам Такэдзаки Суэнаги монголов называют «захватчиками» («*кё:то*»), «монгольскими» или «иноземными» пиратами («*идзоку*»), или просто «пиратами» («*дзокуто*»), а их суда, соответственно, «пиратскими», но никогда не говорят об их «варварстве» и не именуют их «татарами» [Conlan, 2001, р. 23, 87, 133, 207, 213, 219–221, 225, 230, 232–234, 240–242; Коляда, 2016, с. 123–126, 128, 133–136]. Позже появилось еще одно обозначение – «юаньские пираты» («*гэнко*»), ставшее широко известным и за пределами Японии [Kawazoe Shoji, 1990, р. 412]. Очевидно, это было общим мнением о незваных гостях, хотя при императорском дворе, похоже, допускалась иная, более жесткая риторика, скорее всего, заимствованная из политической культуры Китая, и монголов там именовали, как и в Поднебесной, «северными варварами» (см. часть 1 статьи). По мнению Т. Конлэна, деяния монголов не были тогда восприняты как выходящие за рамки приемлемого поведения, а безжалостность и варварство, как характерные черты захватчиков, стали акцентироваться уже после падения Юань [Conlan, 2013, р. 62; см. также: Testa, 2020, р. 40]. Вероятно, следует также учитывать тот факт, что в составе войск вторжения, особенно в 1281 г., было относительно немного различных кочевников, совокупно носивших имя «монголы». Кроме корейцев, японский архипелаг штурмовали народы Северного Китая – чжурчжэни и кидани, а вторая попытка осуществлялась с участием значительного китайского контингента из покоренного к тому времени Южного Китая. Все эти народы в Японии знали более или менее хорошо.

Между тем, хотя понятие «варвар» в древности и средневековье несло негативный оттенок, оно в первую очередь служило маркером этнокультурной принадлежности индивида или группы к внешнему, чужому, хаотическому миру, который, разумеется, мог быть только аномальным в сравнении с нашим, внутренним, упорядоченным миром. Как известно, очень важным индикатором «инаковости» является необычная пища или диковинные способы ее употребления, причем не так уж редко речь заходит о каннибализме. О том, как питались монголы во время вторжения в 1274 г., «Наставление глупым детям о Хатиман» сообщает следующее: «У тех, кто пошатнулся и упал, они вспарывали животы, вынимали печень и ели ее. Поскольку это были люди, которые всегда считали крупный рогатый скот и лошадей благородной пищей, они ели убитых выстрелами лошадей, пока не насытились» [Bockhold, 1982, S. 97].

Представляется, что «варваризация» образа монголов усилилась в эпохи Токугава (1603–1868) и Мэйдзи (1868–1912), что, как полагают исследователи, являлось своеобразным символическим ответом на появление у японских берегов европейцев и русских. По этой причине дорисованные в XVIII в. на свитках Суэнаги монголы имеют густые бороды, как и положено выглядеть «варварам», тогда как в оригинале они практически безбороды – каковы, собственно, монголы и есть на самом деле ввиду своих расовых особенностей [Wakabayashi, 2009]. Рай Дзё (1780–1832) в историческом труде «Неофициальная история Японии» («*Нихон гайси*») отметил: «К этому времени династия Сё [Сун] была уничтожена

⁴ По-видимому, это не просто легенда: об этом трагическом эпизоде рассказывает и Нитирэн почти на век раньше составления истории Юаньской династии [Letters of Nichiren, 1996, р. 375].

варварами Гэн [Юань] и разные соседние страны признали себя в зависимости от Гэн; не вступило с ними в сношения, не послало послов с данью одно только наше государство, вследствие чего гэнский государь Купурэй [Хубилай] послал нам с одним корейцем письмо, в котором говорил, что если мы не подчинимся ему, он пошлет на нас войска» [Мендрин, 1999, с. 296]. Ниже вторгшиеся воины названы «варварами» еще несколько раз [Мендрин, 1999, с. 298]. Более того, со временем в народном сознании монголы и помогавшие им корейцы вообще превратились в демонов *мукурукокури*, которыми страшали детей [Fröhlich, 2009].

Светская литература Японии, охватывающая исторические произведения и мемуары, за небольшим исключением запечатлела связанные с монголами события как нешуточный вызов. Вероятность потерять независимость была вполне реальна. Естественно, в монголах и их невольных соратниках видели врагов, которым необходимо противостоять с оружием в руках. Несмотря на непривычную для самураев тактику, производимый барабанами и гонгами шум и, конечно, применение взрывных снарядов, это была вполне земная, а не демоническая сила, и она получала адекватный ответ. Согласно традиции, на стороне японцев были и их боги, что повышало надежду на победу. По-видимому, нация была едина в своем неприятии требований Хубилая, однако по крайней мере один человек увидел в монгольской опасности великую пользу для страны и народа. Это был Нитирэн⁵.

Принято думать, что впервые Нитирэн предсказал иностранное вторжение в 1260 г. в трактате «Рассуждения об установлении справедливости и спокойствия в стране» («*Риссё: анкоку рон*»), где он сначала излагает описания бедствий, почерпнутые из нескольких буддийских канонических сутр, а затем резюмирует, что почти все эти несчастья уже постигли Японию, за исключением вторжения чужеземных разбойников, но и это должно вскоре случиться [Игнатович, 2002, с. 136]. Трактат был направлен бывшему *сиккэну* (регенту при *сёгунах*) Ходзё Токиёри (1227–1263), однако ответа не последовало.

В начале 1268 г., когда письмо Хубилая достигло *бакуфу* и затем императорского двора, он повторил властям свое предупреждение, оставшееся без ответа и на этот раз, а также оповестил своих адептов: «Вследствие прибытия монгольского посланника я отправил одиннадцать писем различным чиновникам и священнослужителям. Судебное преследование, несомненно, настигнет Нитирэна и его последователей, и приговором будет либо изгнание, либо смерть. Вы не должны ничему удивляться. Решительные протесты были сделаны намеренно, просто с целью пробудить людей. Нитирэн ожидает всего с хладнокровием. Не думайте о своих женах, детях и домочадцах; не бойтесь властей! Воспользуйтесь этой возможностью, чтобы разорвать оковы рождений и смертей и достичь плода состояния Будды!» [Tsunoda et al., 1964, p. 219].

В октябре 1269 г. Нитирэн сделал к «Рассуждениям об установлении справедливости и спокойствия в стране» приписку, заслуживающую внимания своей корректностью по отношению к стану врага: «...из великой монгольской страны на западе передали письмо, в котором говорилось о намерении напасть на нашу империю. В 6-й год тех же [годов Бунъэй]⁶ передали еще одно письмо. То, о чем [я] уже [говорил] в послании, оправдалось» [Игнатович, 2002, с. 140; *The Major Writings*, vol. II, 1979, p. 69]. Можно, конечно, восхищаться пророческим даром Нитирэна (или его политическим чутьем), но он всего лишь воспроизвел клишированные списки катастроф, которые, согласно буддийскому вероучению, постигают страны и народы, сбившиеся с верного пути, и нападения грабителей из чужих стран – одна из них [Dolce, 2003(2), p. 79]. В то же время, в 1274 г. в ответ за вопрос *бакуфу*

⁵ Видимо, одной из лучших биографий Нитирэна, освещающих его жизнь и деятельность именно в разрезе японо-монгольских столкновений, является книга: [Kawazoe Shōji, 1984] (см.: [Stone, 1999, p. 453–457]).

⁶ *Бунъэй* – девиз правления императоров Камэяма и Го-Уда, использовавшийся с 1264 по 1275 гг.

о времени предполагаемого монгольского вторжения он сказал, что оно последует в течение года – и оказался прав: «Они наверняка придут в течение этого года. Я уже высказывал свое мнение по этому вопросу, но к нему не прислушались. Если вы попытаетесь лечить чью-то болезнь, не зная, в чем ее причина, вы только сделаете человека еще более, чем раньше. Точно так же, если монахам школы Сингон будет позволено попытаться одолеть монголов своими молитвами и проклятиями, они только сделают страну более восприимчивой к военному поражению» [*The Major Writings*, vol. I, 1979, p. 193].

Хотя страстные проповеди Нитирэна нельзя считать особенно успешными, им, вероятно, в определенной степени способствовало представление, основанное на предсказании Будды Шакьямуни о том, что после его ухода в нирвану век «правильной Дхармы» или истинного учения сменится эпохой «подобия Дхармы», а затем наступит «конец Дхармы» («*манпо*»). По подсчетам некоторых мыслителей средневековья, этот «конец Закона» в Японии настал в 1052 г. Нитирэн утверждал, что от страны отвернулись божества и будды, они полны гнева и готовы уничтожить японский народ [Jaffe, 1986, p. 91].

После возвращения из ссылки на острове Садо, где он по приговору *бакуфу* провел около двух с половиной лет как мятежник, Нитирэн поселился в Минобу и оставил попытки убедить власти в своей правоте. Его сочинения и письма ученикам свидетельствуют о том, что к тому времени он рассматривал надвигающееся монгольское вторжение как зло, необходимое для удержания японского общества от греха «клеветы на Дхарму», пусть даже ценой гибели страны, которую он считал самой прекрасной на земле, но обреченной: «Эта страна, несомненно, обречена, но поскольку я попросил буддийских богов не наказывать нашу землю, она выжила до сих пор. Однако это наказание, несомненно, снизойдет, если неразумные действия продолжатся. И если в будущем мои советы не понадобятся, Япония, несомненно, будет уничтожена нападениями монгольских войск» [*The Major Writings*, vol. I, 1979, p. 191; Трубникова, Бабкова, 2014, с. 318]. Именно здесь он развил идею о том, что монголы были «посланниками небес» [Jaffe, 1986, p. 99], инструментами сурового сострадания Будды – *сякубуку*⁷, которое решительно преодолевает оппозицию Дхарме. В одном из своих писем он утверждал: «Разрушение нашей страны было бы достойным сожаления. Но если [вторжение] не осуществится, народ Японии будет клеветать на Сутру Лотоса все больше и больше, и все они без промедления попадут в ад. Поскольку противник силен, страна может пострадать, но клевета на Дхарму значительно уменьшится. Таким образом, [вторжение] будет подобно прижиганию, используемому для лечения болезней, или иглоукалыванию, которое исцеляет людей от хворей» [Stone, 2014, p. 176–177]. Поэтому в 1274 г. он отказался участвовать в спонсированном *бакуфу* молебне об избавлении от монголов, полагая, что было бы неправильно оказывать ритуальные услуги властям, которые не почитают «Лотосовую сутру» [Stone, 1994, p. 234]. Позже, узнав о казни монгольских послов, он выразил сожаление, что правительство убило невинных, тогда как надо было лишить голов служителей школ Нэмбуцу, Сингон, Дзэн и Рицу, которых он считал настоящими врагами своей страны [*Letters of Nichiren*, 1996, p. 443; *The Writings of Nichiren*, 1999, p. 628].

Говоря о монголах, Нитирэн очень предупредителен. Он не осуждает их, а лишь сетует по поводу причиняемых ими мучений и разрушений. Он редко называет их «варварами»; гораздо чаще отзывается о них и их империи как о «великих». Например, в его автобиографическом сочинении «О поведении Будды», написанном в 1276 г., можно встретить обе эти характеристики: «На восемнадцатый день первого промежуточного месяца пятого года Бунъэй (1268) из великой Монгольской империи поступило официальное сообщение, в котором эти варвары запада заявили о своем намерении напасть на Японию. Мое предсказание

⁷ Буквально «ломать и подчинять». Один из методов, посредством которого жестко искореняются ложные воззрения и в сознание индивида вбивается понимание истинной Дхармы.

в “Риссё анкоку рон”, которое я записал в первый год Бунъо (1260), полностью сбылось» [*The Major Writings*, vol. I, 1979, p. 173]. И далее: «Если силы великой Монгольской империи нападут на эту страну, смогут ли даже буддийские боги Тэнсё Дайдзин и Хатиман остаться в безопасности и невредимыми?» [*The Major Writings*, vol. I, 1979, p. 180]. В написанном еще в 1268 г. «Обосновании для представления “Рассуждений об установлении справедливости и спокойствия в стране”» он назвал монгольские владения «великим царством» [*The Major Writings*, vol. II, 1979, p. 65]. В «Ответе моей госпоже монахине, матери владыки Уэно» (1280 г.) он пишет: «Великий монгольский народ нападет на нас и быстро уничтожит. Оглянитесь вокруг! Разве это не так? Вы должны верить, что это потому, что теперь все являются врагами “Лотосовой сутры”» [Rodd, 1980, p. 151]. Монголы для Нитирэна, скорее, союзники в трудном, но необходимом деле вразумления Японии, запутавшейся в тенетах ложных учений. Это одно из крайних средств, которым Истина, воплощенная в «Лотосовой сутре» и активно отстаиваемая Нитирэном, может защитить себя от наветов: «Пройдет совсем немного времени, прежде чем великие монголы пошлют свои военные корабли, числом в мириады, и нападут на эту страну. Тогда государь и весь народ, несомненно, покинут все буддийские и синтоистские святилища, которые они раньше почитали, объединятся в восклицании “Наму-мё-хо-рэн-гэ-кё”, “Наму-мё-хо-рэн-гэ-кё”⁸ и, сложив руки, будут молиться: “О учитель Нитирэн, спаси нас; о учитель Нитирэн”» [Jaffe, 1986, p. 100].

Если монгольские воины были посланы Небом, то что же можно сказать об их великом хане? Нитирэн знает правильный ответ: «Нам следует остановиться и задуматься, почему должны происходить такие ужасные вещи. Причина, как я уже говорил ранее, заключается в том, что каждый человек в этой стране (Японии. – Ю.Д.) совершил три главных греха. Поэтому Бонтэн (Брахма. – Ю.Д.), Тайсяку (Индра. – Ю.Д.), боги солнца и луны и четыре Небесных царя вошли в тело монгольского правителя и заставляют его карать наш народ» [*Letters of Nichiren*, 1996, p. 376]. Таким образом, Хубилай тоже действует не по собственной прихоти – он исполняет Божественную волю. Выстраивающаяся логическая цепочка не оригинальна: ее можно найти в творениях персидских историков, европейских интеллектуалов Средневековья и древнерусских книжников. Погрязшие в грехах народы провоцируют Божий гнев, и Господь в целях вразумления направляет на них дикие орды под командованием избранного им монгольского вожда. Ценой невероятных страданий эти народы могут искупить свою вину и вымолить пощаду. Надо ли сопротивляться этим посланникам неземных сил? Специалист по русской истории В.Н. Рудаков полагает, что на Руси уже в ходе первых столкновений с монгольскими поработителями на рубеже 1237–1238 гг. зародилась идеология непротивления именно на религиозной основе: их расценивали как исполнителей Божественного наказания, которое полагалось смиренно принять. По крайней мере, такую позицию выражает Лаврентьевская летопись – один из трех дошедших до нас старейших русских источников о монгольском нашествии. Отчасти поэтому попытки вооруженной борьбы быстро сошли на нет [Рудаков, 2014, с. 70–75].

Япония, однако, сдаваться не собиралась, и Нитирэн был уверен, что именно он должен сыграть в этой борьбе главенствующую роль. Петиция, поданная в 1279 г. в *бакуфу* от имени учеников Нитирэна Ниссю (?–1329) и Нитибэна (1239–1311), гласила: «Присутствие в стране такого мудреца [как Нитирэн] – большая радость для Японии и большая горе для монголов. Он может призвать драконов и заставить их отправить вражеские корабли на дно моря; он может приказать Брахме и Индре подчинить монгольского вожда. Если правитель действительно разумный человек, почему он не использует этого мудреца, вместо того чтобы напрасно сетовать на угрозу от чужой страны?» [Stone, 2014, p. 174]. Правительство

⁸ «Преданность Таинственному Закону Сутры Лотоса», или «Слава Сутре Лотоса Высшего Закона» – мантра, введенная Нитирэном в практику в 1253 г.

осталось глухим к такого рода призывам и на этот раз, а императорский двор прибег к уже проверенным средствам. Эйсон (1201–1290) – основатель религиозного движения Сингон-Рицу, по указу императора в 1281 г. с буддийским милосердием обращался в святилище к Хатиману: «О великий бодхисаттва [Хатиман], я умоляю тебя вызвать восточный ветер, который разгонит вражеский флот, атакующий нашу страну, и сожжет их корабли – но без жертв среди захватчиков» [Kuroda Toshio, 1996, p. 380]⁹. Ветер, действительно, поднялся, хотя и не восточный, а, судя по ориентации якорей и канатов, оставшихся от юаньского флота на дне у острова Такасима, южный [Sasaki, 2015, p. 7]. Нитирэн отреагировал на эту новость предсказуемо скептически: «Осенний ветер уничтожил вражеские корабли, но теперь люди хвастаются большим успехом, как будто командир врага был взят в плен. А жрецы притворяются, что это произошло из-за эффективности их ритуалов. Спросите их, взяли ли они голову монгольского правителя? Что бы они ни говорили, они ничего не могут на это ответить» [Matsunaga A., Matsunaga D., 1976, p. 155; Conlan, 2001, p. 275]. Мятежный монах умер спустя год после второго монгольского нашествия.

Благоприятный исход монгольских вторжений оказал, как известно, заметное влияние на укрепление у японцев представления о своей стране как о «божественной» («синко-ку»). Интересно, что аналогичный процесс практически в те же годы и по той же причине протекал и во Вьетнаме, где избавление от неоднократной монгольской угрозы тоже приписывалось помощи своих божеств и духов. Такая «богохрамимость» обеих держав не могла не поспособствовать формированию понятия о своем особенном положении в мире, которое, впрочем, в той или иной степени свойственно жителям едва ли не любой страны. Придворный чиновник Китабатакэ Тикафуса (1293–1354) в предисловии к своей книге «Хроника богов и правителей» («Дзинно: сё:то:ки»), написанной в 1338–1341 гг., отметил: «Великая Присолнечная – страна Богов. Небесный предок впервые основал ее. Богиня Солнца передала управление [ею] своим потомкам. Только в нашей стране это так [в действительности]. В других странах нет подобного. Вот почему наша страна называется Божественной страной» [Китабатакэ Тикафуса, 2002, с. 233; подробнее см.: Kuroda Toshio, 1996; Dolce, 2003(1); Трубникова, 2012]. Как известно, эти представления имели далеко идущие и не всегда позитивные последствия, но остановимся на этом и подведем итоги.

По-видимому, планы монголов в отношении Японии претерпели определенную эволюцию. Неизвестно, что именно знали об этом государстве первые монгольские хаганы, но представляется очень маловероятным, что их военные планы простирались на восток дальше Кореи, полное подчинение которой заняло у них несколько десятилетий. Лишь после этого можно было серьезно думать о дальнейшей экспансии. Скорее всего, даже Хубилай не сразу принял решение включить архипелаг в состав своей империи. В 1260-е гг. он добивался от японских властей формального признания своего старшинства, на что, как указывалось в части 1 настоящей статьи, у него были веские причины. Можно только гадать, как далеко зашла бы Япония на пути интеграции в Монгольскую империю, если бы приняла предложения Хубилая. По аналогии с Кореей и Вьетнамом допустимо предположить, что в конце концов монголы потребовали бы исполнения японским императором так называемых «Шести дел», включавших его личную явку ко двору Хубилая; отправку туда же своих сыновей и младших братьев в заложники; проведение переписи населения и передачу списков в Пекин; регулярную выплату дани; предоставление в распоряжение монголов национальных военных контингентов; наконец, принятие хаганского наместника [Fiaschetti, 2017]. Неуступчивость японцев, помноженная на экзекуцию монгольских послов, а также благоприятный для Хубилая расклад сил после окончательного разгрома Южной Сун с очевидностью позволили ему нацелиться на подавление откровенно враждебного государства. Первый рейд к берегам Японии можно расценивать, скорее, в качестве разведки

⁹ О роли Эйсона в ритуальном отвращении монгольской угрозы см.: [Andreeva, 2017, p. 175–190].

боем с одновременной ликвидацией важного пункта международной морской торговли в заливе Хаката, тогда как второй, несомненно, должен был положить конец японской независимости. Едва ли в неудаче обеих инвазий следует винить тайфуны. Надо напомнить, что ни одна из военных экспедиций Хубилая за пределами собственно Монголии, Китая и Кореи не принесла ему долговременного успеха. Со смертью этого незаурядного правителя фактически завершилась эпоха монгольских завоеваний в Восточной и Юго-Восточной Азии, и империя Юань стабилизировалась в своих границах, все более и более превращаясь в китайское государство.

Имперская идеология монголов в японских источниках почти не прозвучала, лишь в сохранившихся в них письмах Хубилая порой угадываются ее фрагменты, проступающие из-под наслоений китаецентристской риторики. Монголы и их вынужденные соратники не были здесь восприняты как небесные посланники или небесная кара. Только Нитирэн расценивал их вторжения как наказание Японии за то, что она не почитает «Лотосовую сутру». Для большинства, если не для всех японцев они были «мятежниками» и «иноземными пиратами», с которыми необходимо вести вооруженную борьбу до полной победы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Игнатович А.Н. *Школа Нитирэн*. М.: Stilсервис, 2002 [Ignatovich A.N. *The School of Nichiren*. Moscow: Stilservis, 2002 (in Russian)].

Китабатакэ Тикафуса. Дзинносётки. Пер. Е.К. Симоновой-Гудзенко. *Синто – путь японских богов. Т. II. Тексты синто*. СПб.: Гиперион, 2002. С. 226–239 [Kitabatake Tikafusa. Dzinnoasetoki. E.K. Simonova-Gudzenko (tr.) *Shinto – the Way of the Japanese Gods. Vol. II. Shinto texts*. Saint Petersburg: Giperion, 2002. Pp. 226–239 (in Russian)].

Коляда М.С. «Иллюстрированный рассказ о монгольском вторжении» («Мо:ко сю:рай экотоба»). *История и культура традиционной Японии*. Вып. 9 (Orientalia et Classica: Труды ИВКА. Вып. LXV). СПб.: Гиперион, 2016. С. 121–139 [Kolyada M.S. “An Illustrated Story about the Mongol Invasion” (“Mo:ko siu:ray ekotoba”). *History and Culture of Traditional Japan*. Issue 9 (Orientalia et Classica: Proceedings of IOCA. Issue LXV). Saint Petersburg: Giperion, 2016. Pp. 121–139 (in Russian)].

Мендрин В.М. *История сёгуната в Японии: Нихон гаishi*. Т. 1. М.; СПб.: Пашков дом, Летний сад, 1999 [Mendrin V.M. *The History of the Shogunate in Japan: Nihon gaishi*. Vol. 1. Moscow; Saint Petersburg: Pashkov dom, Letniy sad, 1999 (in Russian)].

Рудаков В.Н. *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV в. М.: Квадрига, 2014* [Rudakov V.N. *Mongol-Tatars through the Eyes of Ancient Russian Scribes of the Mid-13th - 14th Centuries*. Moscow: Kvadriga, 2014 (in Russian)].

Трубникова Н.Н. Рассуждения о Японии как «стране богов» в XIII в. *Вопросы философии*. 2012. № 8. С. 85–94 [Trubnikova N.N. Reflections on Japan as the “Land of the Gods” in the 13th Century. *Voprosy filosofii* (= *Questions of Philosophy*). 2012. No. 8. Pp. 85–94 (in Russian)].

Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. *Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014* [Trubnikova N.N., Babkova M.V. *Updating Traditions in Japanese Religious and Philosophical Thought of the 12th – 14th Centuries*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014 (in Russian)].

Andreeva A. *Assembling Shinto: Buddhist Approaches to Kami Worship in Medieval Japan*. Cambridge (MS); London: The Harvard University Asia Center, 2017.

Bockhold W. *Der Hachiman-gudōkun (I) als historische Quelle, insbesondere zu den Invasionen der Mongolen in Japan*. Dissertation an der Ludwig-Maximilians-Universität zu München, 1982.

Brightwell E.L. *Reflecting the Past: Place, Language, and Principle in Japan's Medieval Mirror Genre*. Cambridge, MS: Harvard University Asia Center, 2020.

Conlan T.D. *In Little Need of Divine Intervention: Takezaki Suenaga's Scrolls of the Mongol Invasions of Japan. Translation with Interpretive Essay*. Ithaca: Cornell University East Asia Program, 2001.

Conlan T.D. Myth, Memory and the Scrolls of the Mongol Invasions of Japan. *Archaism and Antiquarianism in Korean and Japanese Art*. E. Lillehoj (ed.) Chicago: Center for the Art of East Asia, University of Chicago and Art Media Resources, 2013. Pp. 54–73.

- Dolce L. Hokke Shinto: Kami in the Nichiren Tradition. *Buddhas and Kami in Japan: Honji Suijaku as a Combinatory Paradigm*. M. Teeuwen, F. Rambelli (ed.) London: Curzon/Routledge, 2003(1). Pp. 222–254.
- Dolce L. On the Use of Prophecy in Mediaeval Japan: Nichiren, the Future of Buddhism and the Country of Japan. *Hokke bukkyō bunkashi ronsō [Essays on the Cultural History of Lotus Buddhism]*. Watanabe Hōyō sensei kiken ronbunshū kankkai (ed.). Kyoto: Heirakuji Shoten, 2003(2). Pp. 57–90.
- Fiaschetti F. The Six Duties: Yuan Diplomatic Interactions with East and Southeast Asia. *Archivum Eurasiae Medii Aevii*. 2017. Vol. 23. Pp. 81–101.
- Fröhlich J. Die Dämonen von Mukurikokuri: Die Erinnerung an die Mongoleneinfälle in der ausgehenden Edo-Zeit. *Medien und kulturelle Erinnerung in vormoderner japanischer Literatur*. R. Wittkamp (Hg.). München: Iudicium, 2009. S. 86–105.
- Jaffe P.D. Rising from the Lotus: two Bodhisattvas from the Lotus Sutra as a Psychodynamic Paradigm for Nichiren. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1986. Vol. 13. No. 1. Pp. 81–105.
- Kawazoe Shōji. *Nichiren to Mōko shūrai [Nichiren and the Mongol Invasion]*. Tokyo: Shimizu shoin, 1984 (in Japanese).
- Kawazoe Shoji. Japan and East Asia. *The Cambridge History of Japan*. Vol. 3. Ed. by Kozo Yamamura. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1990. Pp. 396–446.
- Kuroda Toshio. The Discourse on the “Land of Kami” (*Shinkoku*) in Medieval Japan: National Consciousness and International Awareness. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1996. Vol. 23. No. 3–4. Pp. 353–385.
- Kyotsu Hori. The Economic and Political Effects of the Mongol Wars. *Medieval Japan: Essays in Institutional History*. J.W. Hall, J.P. Mass (ed.) Stanford: Stanford University Press, 1988. Pp. 184–198.
- Letters of Nichiren*. B. Watson et al. (tr.) New York: Columbia University Press, 1996.
- The Major Writings of Nichiren Daishonin*. Gosho Translation Committee. Vol. I–II. Tokyo: Nichiren Shoshu International Center, 1979.
- Matsunaga A., Matsunaga D. *Foundation of Japanese Buddhism. Vol. II. The Mass Movement (Kamakura & Muromachi Periods)*. Los Angeles; Tokyo: Buddhist Books International, 1976.
- Rodd L.R. *Nichiren: Selected Writings*. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1980.
- Sasaki R.J. *The Origins of the Lost Fleet of the Mongol Empire*. Texas A&M University Press, 2015.
- Stone J.I. Rebuking the Enemies of the Lotus: Nichirenist Exclusivism in Historical Perspective. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1994. Vol. 21. No. 2–3. Pp. 231–259.
- Stone J.I. Biographical Studies of Nichiren. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1999. Vol. 26. No. 3–4. Pp. 441–458.
- Stone J.I. The Atsuhara Affair: The Lotus Sutra, Persecution, and Religious Identity in the Early Nichiren Tradition. *Japanese Journal of Religious Studies*. 2014. Vol. 41. No. 1. Pp. 153–189.
- Testa G.A. Mōko shūrai ekotoba (“Illustrated Handscroll of the Mongol Invasions”): A Case Study of Encounter with the Other in Japan. *Guerra y alteridad. Imágenes del enemigo en la cultura visual de la Edad media a la actualidad*. B.F. Llopis (ed.) Thematic monographic, Eikón Imago 15. 2020. Pp. 35–57.
- Tsunoda R., De Bary W.T., Keene D. *Sources of Japanese Tradition*. Vol. 1. New York: Columbia University Press, 1964.
- Tsunoda R., Goodrich L.C. *Japan in the Chinese Dynastic Histories. Later Han through Ming Dynasties*. South Pasadena: P.D. and Ione Perkins, 1951.
- Wakabayashi H. The Mongol Invasions and the Making of the Iconography of Foreign Enemies: The Case of Shikaumi jinja engi. *Tools of Culture: Japan's Cultural, Intellectual, Medical, and Technological Contacts in East Asia, 1000–1500s*. A.E. Goble, K.R. Robinson, H. Wakabayashi (eds.) Ann Arbor: Association of Asian Studies, 2009. Pp. 105–133.
- The Writings of Nichiren Daishonin*. Vol. I. Soka Gakkai, 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДРОБЫШЕВ Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia.